

Предисловие

Наблюдение Фрейда, что «интерпретация сновидений – самый простой путь к бессознательному»¹*, стало аксиомой психоанализа. Теперь же многие психоаналитики согласятся еще и с тем, что сновидения содержат в себе базовые конфликты человека и показывают то, как он справляется с ними.

Настоящее издание увидело свет благодаря тому, что доктор Калигор усматривал особую значимость в том, как интрапсихические изменения в процессе психоанализа отражались в сновидениях пациента. Он же высказал предложение, что, возможно, лучший способ проанализировать то, каким образом осуществлялись эти изменения, - предложить человеку, не знакомому с пациентом, изучить интерпретации всех сновидений, которые были представлены пациентом в процессе психоанализа. Именно такая роль и была предложена доктором Калигором Ролло Мэю.

Доктор Мэй принял это предложение. Какое-то время он считал, как он пишет во вступлении, «что зачастую мы можем получать намного более точную и важную картину существенных изменений в жизни пациента на основании символов и мифов, которые он создает и затем воссоздает в своих сновидениях, нежели из того, что он нам говорит». Таким образом, данная работа позволит нам проверить его гипотезу.

Первая часть в настоящем издании написана доктором Мэем, который, изложив свои задачи, переходит посредством последовательного анализа к анализу символов в сновидениях Сюзанны, пациентки доктора Калигора. Доктор Мэй проводил эту работу со сновидениями «вслепую» по мере того, как они ему становились известны; единственный клинический материал, который он использовал, – это интерпретация самой Сюзанной ее сновидений на основании записи психоаналитических сессий. Затем доктор Мэй проанализировал дополнительный клинический материал, написанный доктором

¹ Зигмунд Фрейд «Интерпретация Сновидений» в переводе Джеймса Стрейчи (Sigmund Freud, *The Interpretation of Dreams*, translated by James Strachey (New York: Basic Books, 1955), p. 608.

Калигором, в результате чего им были даны принципиально новые толкования в области теории сновидений и интерпретации символов.

Во второй части доктор Калигор дает уже буквальное объяснение того взаимодействия, которое имеет место между ним и пациентом в отношении каждого сновидения, воспроизведенного в процессе психоанализа. Также были представлены некоторые факты биографии данной пациентки, некий диагностический материал, и, по мере необходимости, информация для разъяснения некоторых составляющих в ее сновидениях или ее ассоциациях в отношении них. Кроме того, приводится ряд рисунков, выполненных в самом начале терапии (см. стр. 150).

Авторы надеются, что выбранный ими метод, а также определенный клинический материал наряду с теорией символов, позволяющей оценивать этот материал, - все это внесет свой вклад в развитие психоаналитической теории и анализа. В отличие от обычной процедуры выбора клинического материала для демонстрации какой-то отдельной техники или теории, сновидения специально не отбираются. Читателю дается возможность провести собственный анализ клинических данных во всей полноте и вынести свои независимые суждения. Записанный на пленку материал помогает выявить некоторые аспекты психоаналитического процесса, не поддающиеся количественному определению: качество эмпатии между пациентом и аналитиком, работающими вместе, и едва различимые изменения, проявляющиеся в процессе лечения.

Авторы надеются, что данное исследование можно будет считать неким шагом к тому, чтобы объединить вместе теорию личности с клиническими наблюдениями. На их взгляд то, что сейчас необходимо, - это создание теории применительно к основным данным психоаналитического процесса с тем, чтобы сформированные здесь ключевые предположения можно было открыто анализировать и проверять, а впоследствии обеспечить развитие психоаналитической теории в надлежащем направлении, отвечающем современным требованиям.

Часть I

Ролло Мэй

СНОВИДЕНИЯ И СИМВОЛЫ

1. Введение

Когда доктор Калигор пригласил меня принять участие в настоящем исследовании, посвященном изучению сновидений его пациентки, это сразу же вызвало у меня неподдельный интерес, поскольку у меня появляется шанс задать - и, возможно, получить ответ на ряд вопросов о сновидениях, которые волновали меня на протяжении нескольких лет. И, действительно, подобная возможность, как в данном исследовании, достаточно уникальна: материал всех сновидений пациентки с начала терапии и до конца. Я был воодушевлен той идеей, что, возможно, по этим сновидениям мы могли бы сказать, что происходит в личной жизни человека. И здесь я столкнулся с тем, что вновь возникла одна из моих старых гипотез, а именно: то, что зачастую мы можем получить более точную и важную картину о значимых изменениях в жизни пациента на основании символов и мифов, которые он создает, а затем формирует и воссоздает в своих сновидениях, нежели из того, что он говорит.

Вопросы, которые я начинал задавать себе, размышляя о том, следует ли принять данное приглашение, были следующими. Как же так происходит, что человек видит сновидения? Достаточно любопытно, когда вы перестаете думать о том, что сегодня вечером вы могли бы рвануть в Китай или Византию и относитесь к этому с такой высокой степенью реальности, как если бы действительно были там на самом деле; что в некоторые моменты можно пережить серьезную драму, для исполнения которой на сцене потребовались бы часы; что вам становятся подвластны страны, континенты и языки, вы можете придумывать и формировать символы и мифы по собственному желанию, наделять эти символы всеми возможными красками и запахами Аравии, а также всеми тайнами Конго. И, наконец, что самое любопытное, - можно переступать границы собственного осознания и говорить

такие вещи, о которых знал, но не отваживался сказать себе на уровне сознания; можно обнаружить почти не имеющую границ глубину чувствительности (переходя границы сознательного воображения) и практически бесконечный опыт из того, чему мы даем негативное определение «бессознательное» и проживаем его с радостью или содрогаясь от ужаса в эти несколько минут сна. Безусловно, здесь происходит нечто большее, нежели просто общение на уровне «примитивного» мышления.

Размышляя о том, как возникают сновидения, я сразу вспоминаю, что Йосеф в темнице Фараона верил в то, что он может предсказывать будущее, интерпретируя сновидения, а армия Агамемнона в Колхиде не могла переплыть Эгейское море и взять штурмом Трои, так как у некоторых провидцев среди греков были определенные сновидения. А разве Йосеф и эти греки, на самом деле, были не так умны и менее «цивилизованы», нежели я?

Самое необычное в подобных ночных опытах, когда я иду спать, обеспокоенный какой-то проблемой, что все мои мысли заняты только решением, которое буквально изматывает меня. Зачастую, еще ночью, или на следующее утро я обнаруживаю, что мои сновидения не столько дали мне точный ответ как таковой, но уже тогда я начинал рассматривать данную проблему в новом свете; и хотя решение проблемы не обязательно будет достаточно четким, определенные шаги к решению, так или иначе, проясняются. Подобный процесс получения помощи от сновидений в решении проблем, безусловно, срабатывает не всегда, но вполне помогает обозначить то, что здесь имеет место очень важный процесс, в котором сновидения отражают мои самые глубокие проблемы, процесс, который можно отнести к области моих намерений, хотя он и не контролируется моим сознанием.

Таким образом, мне всегда казалось, что способность видеть сновидения – это более серьезные способности, нежели принято считать. Я также полагаю, что сновидения имеют некую взаимосвязь с очевидной способностью человека к переходу/ трансцендентности, т.е. его способностью выходить за непосредственные объективные границы существования и

объединить весь свой опыт в каком-то неожиданном и противоречивом направлении.

Другой вопрос, на который я старался найти ответ, имел отношение к тому, о чем я говорил выше: *Что является источником сновидений?* Долгое время я считал, что в нашей западной традиции что-то обстоит не так, поскольку сновидения там рассматривают лишь как дологический язык, который нам нужно «преодолеть», если нам удастся так или иначе адаптироваться и интегрироваться. Есть несколько похожих довольно уничижающих способов рассмотрения сновидений, являющихся всеобъемлющим наследием в нашей культуре, в которой слишком большое значение придается рационализму и объективизму. Но нам необходимо напомнить себе, что сновидение – это нечто *транс*-логическое, равно как и *пре*-логическое. Это некая форма коммуникации с самим собой и своим миром, что включает в себя много разных параметров и, таким образом, становится вполне понятным, что сюда должны входить, как отмечали в своих более ранних работах Юнг и Фромм, не только инсайт и открытие более серьезных ошибок и заблуждений, но также и большая мудрость и этическая чувствительность, чем человек по собственному разумению обладает в своей сознательной жизни. В действительности, теперь уже имеются и некие подтверждения тому, что сновидения включают в себя *более высокие* интеллектуальные центры, поскольку, например, пациенты, которым делали лоботомию, не видели снов.²

²«Таким образом, это больше чем просто аксиома, что одной из характерных особенностей *хомо сапиенс*, очевидно, является его способность к анализу, начиная от его способности к психоневротическим реакциям, до сновидений, способности предаваться мечтам. К наблюдению о том, что после лоботомии редки сновидения и фантазии, следует добавить упрощение основного содержания сновидений, когда сновидения все же имеют место. Сновидения имеют характер непосредственной реализации желаний, как это бывает в детстве; например, сновидение Анны Фрейд о клубнике в *Интерпретации сновидений* [Freud]. Пациенты, которым была проведена лоботомия, видят сны о разных деликатесах, о том, что они разбогатели, и т.д.; иногда они также видят сны о поллюциях. Основное содержание сновидений также становится довольно приглушенным после лоботомии. Например, один из моих бывших пациентов, врач, больной шизофренией, жаловался до операции на периодически повторяющийся кошмар ночью, в котором его окружали дикие животные на арене; после лоботомии львы в сновидениях уже больше

Отчасти эта тенденция видеть сны как нечто «примитивное» исходит из нашей веры в то, что сознание развивается из более примитивного предшествующего состояния сознания и, поскольку сновидения берут свое начало в последнем, именно это и считается языком более примитивного состояния. Я считаю подобное развитие ошибочным, а у ребенка все происходит совершенно иначе. По-моему мнению, первоначальное состояние новорожденного – это не бессознательное, а обобщенное сознание, способность, которая объединяет нас, людей, с животными. Как сознательное, так и бессознательное берут свое начало в исходном осознании, процесс, который начинается вскоре после рождения, но который многие из нас могут наблюдать только спустя несколько месяцев. Этот процесс – способность осознавать свое «я» как субъект в мире объектов, дифференцировать себя в мире. Это способность, которая отличает людей от остальных живых существ; здесь же берет свое начало язык и способность использовать символы.

Но ведь это право по рождению человеческого существа и проклятье, наряду с благословением. Из этой Anlage (пер. с нем - установка), свойственной только человеку, и происходит способность к подавлению и невротические проблемы, как отмечали Куби (Kubie) и другие, для которых человек является преемником. Само сознание, наряду со способностью дифференцировать субъект и объект, также включает в себя способность отрицать осознание, потенциальные возможности и желания. Это «расщепление» между сознательным и бессознательным, о котором так много говорится, но эта терминология в значительной степени основана скорее на невротическом, а не естественном опыте. Здесь я хотел бы дать следующее определение бессознательному: *потенциальные возможности для осознания и того опыта, который человек не способен или не*

не рычали и не казались ему такими устрашающими, а тихо и мирно уходили прочь ... Эмоциональная символичность, вызываемая лоботомией, ослабляет определенные психические функции». Ян Франк «Определенные аспекты лоботомии. Jan Frank, "Some Aspects of lobotomy (Prefrontal Leucotomy) under Psychoanalytic Scrutiny», *Psychiatry*, Vol. 13, No. 1 (February, 1950). I owe the reference to Dr. Frank's study originally to Dr. Robert Holt, *American Psychologist*, April, 1964.

хочет в данный момент актуализировать. Если бы верным было то, что бессознательное является чем-то примитивным, из этого должно было следовать, что оно будет более глубоким у крестьян, нежели у людей с высокой степенью организации, но это, явно, не так. Проблема «примитивных» сновидений скорее связана с тем, как эти сновидения используются (как в примитивных племенах), а не самим фактом возможности видеть сновидения. Говоря о человеке, которого нельзя назвать невротиком, т.е. для которого не характерны сильные подавления, я считаю, что в принципе мы можем говорить о том, что чем богаче его сознательное, тем богаче мир его сновидений, и наоборот. Следовательно, можно говорить о том, что существует множество различных уровней осознания, сознания и того, что мы называем «бессознательное»; а то, что происходит в сновидениях, – богаче, более серьезное и важное, чем это обычно предполагается, и мы относим это, главным образом, к примитивному опыту и детским воспоминаниям.

После ознакомления с проектом доктора Калигора сразу же последовали другие вопросы. Каким образом человек создает и потом мысленно воссоздает символы в своих сновидениях? Переносит ли он потом эти символы в мифы, а мифы уже переходят в драмы, и не является ли это его *способом восприятия того, как он справляется с какими-то моментами и чему придает значение в своем мире?* Это не будет сновидение из бессознательного, за исключением того, что человек сталкивается с какими-то вопросами в своей сознательной жизни – некие конфликты, тревога, трудности, «грабли, на которые он наступает», задача или ситуация, вызывающая непреодолимое любопытство. Иными словами, стимулом к сновидениям является то, что дает сигнал какому-то определенному сновидению, в какой-то момент – это моя потребность «сделать что-то» в том мире, в котором я сейчас нахожусь. Фраза «сделать что-то» включает в себя, с одной стороны, то, чтобы это имело смысл, рассматривая это с разных перспектив, и перестроить потом таким образом, чтобы это имело смысл в сложной или очевидно бессмысленной ситуации, а с другой

стороны, изменения в моих отношениях с этим миром.³ И поскольку «я» всегда неотделимо от мира, к которому оно относится и с которым оно вступает в определенный диалог, это означает также изменение мира таким образом, чтобы он стал «ближе к истинным потребностям человека». Эту последнюю фразу я использую в значении, отличном от «желания наполненности», и ниже постараюсь это, так или иначе, прояснить.

Уже сейчас я начинаю осознавать, что для меня настолько были важны все эти вопросы, на которые можно было дать ответ, проанализировав те несколько сновидений пациента, которые у меня имелись, что я – так или иначе – уже дал свое внутреннее согласие на то, чтобы участвовать в этом исследовании. Вне зависимости от того, пожалею я об этом «решении» или нет, я не переставал задаваться этими вопросами, поскольку меня продолжали волновать и другие темы, на которые был шанс получить ответ, руководствуясь исследованием доктора Калигора. Несколько лет назад я выдвинул ряд гипотез; например, что любая ситуация сновидения и любое сновидение имеют некое решение внутри, такое же латентное, каким может быть и решение. Я подразумеваю обычные ситуации, не обязательно травматичные.

Сновидения, которые мы имеем в терапии, зачастую берут свое начало в травматичных ситуациях, которые пациент переживает в настоящее время или повторно проживаемых им из детства. Но нам не следует отождествлять сновидения с этим сильным или травматичным уровнем. «Игра» и «интерес» включены в определение «любопытство», использованное мной выше, в особенности, ввиду того, что мы видим эти состояния у ребенка, и то, как они возникают в сновидениях, – дает некий ответ на проблемы, связанные с созиданием, с которым сталкивается сновидец.⁴ Тот факт, что мы обнару-

---

³ Сновидение можно считать своеобразным Тематическим Апперцептивным Тестом (ТАТ) или проективным тестом; сновидение, в совокупности, дает то, что эти тесты могут представить лишь отчасти.

⁴ Интерес и связанный с этим благоговейный страх не столь отличны от тревоги: в действительности, нельзя ли их отнести к одному и тому же качеству, когда интерес и благоговейный страх есть не что иное, как более легкие формы; когда осознается тот разрыв, который существует между бытием и небытием, и тревога является болезненной формой?

живаем нечто сходное в сновидениях, возникающих из сильных конфликтных ситуаций и тех, в основе которых – «игра и нечто необычное», состоит в том, что человек, так или иначе, связан со своим миром в том, как он его образует и вновь преобразует, создает и воссоздает, придает определенную форму и, впоследствии, меняет ее. В данном случае нас волнует не *количественный* аспект активности и пассивности, а, скорее, определенное *качество* отношений: человек имеет связи со своим миром не только на уровнях, включающих сознание и область фантазий, но и на других уровнях, которые зачастую объединены во многих градациях «до» или «под» или «бес» сознательного. В детских играх, а также творчестве некоторых взрослых можно усмотреть некий качественный аспект подобной активности, которая может не сопровождаться тревогой или какими бы то ни было травмами. Несмотря на то, что тревога и невротические проблемы, безусловно, влияют на сновидения, нам неподвластно понять сновидения как таковые или же тот факт, что сновидения вообще возможны ввиду подобной дихотомии между неврозом и здоровьем.

В данном случае мне бы хотелось донести то, что бессознательная жизнь также *имеет цель*. Она устремляется в определенном направлении: сновидение или фантазия говорит само за себя, это то, как я вижу мир и себя в этом мире. Это достаточно отличается от того, что считалось общепринятым в психоанализе, а именно: что, *интерпретируя* сновидение мы даем ему определенное значение, поскольку в процессе интерпретации мы скорее трансформируем сновидение в наши символы, а не рассматриваем символы сновидения; интерпретируя его в своих определениях, рационализируя его с точки зрения нашей практической школы. И лишь потом значение сновидения оказывается, в худшем случае, скорее значением, которое приписывает терапевт, а не пациент, или в лучшем случае – определениями пациента в тех категориях, которым он научился у терапевта. Я же хотел бы здесь сказать нечто другое: опыт бессознательного, как таковой, имеет определенную цель, а именно: переход к значению. И, в данном случае, будет целесообразным позаимствовать определение Хуссерля. Однако, это значение не будет иметь какой-то логики. Как

уже отмечал в свое время Фрейд, бессознательное допускает противоречия, отрицания, инверсии и все то, что может представлять угрозу для нашей логики.

Тем не менее, бессознательный опыт имеет свои *формы*. Такие формы в большей степени связаны с искусством, нежели логическими формами. Язык, который является уникальным для бессознательного опыта, - это символы и мифы. В данном случае символы и мифы выступают сами по себе не как рационализированные объяснения, но как язык этих объяснений. В процессе анализа сновидений пациентки я еще остановлюсь на том, что у меня имеется ряд серьезных вопросов относительно склонности терапевта давать рациональные объяснения и интерпретировать символы и мифы. Цель анализа – скорее позволить человеку иметь собственный опыт, нежели объяснять символы и мифы. Объяснения полезны в целом, только в том случае, когда они позволяют человеку пережить на более глубоком уровне символ или миф.⁵ Символ и миф представляют собой единство значений, «захватывающих» нас, значений, объединяющих в себе чувства, желания и мысли. Мне кажется, что мы утрачиваем ту силу сновидений и другой бессознательный опыт, когда сводим их до рациональных объяснений, поскольку тогда они становятся лишь «знаками», а не «символами». Оказавшись вдали от дома, например на Средиземном море, флаги других стран, скажем, Турции, Египта или Италии, являются для меня некими «знаками», кусочками материи, указывающими на определенные нации, которые я декодирую и фиксирую в своем сознании. Но когда я вижу флаг собственной страны, происходит нечто совершенно иное: меня захватывает это эмоционально, и я делаю это по собственной воле; для меня это символ, а не декодирование знака. Это сильный язык символов и мифов в сновидениях.

---

⁵ Я не указываю здесь другие функции толкования и интерпретации в терапии в целом: как способ оказания помощи пограничному пациенту увидеть некое рациональное зерно и порядок в том, что происходит; как некий способ сокращения тревоги, когда она становится настолько сильной, что парализует пациента; как некий способ повышения у пациента чувства автономии, поскольку, если этим событиям что-то предшествовало, и это не просто случайные явления, тогда мы можем надеяться на то, что он предпримет какие-то изменения в своей жизни.

Не имеет смысла говорить о том, что символ «менее реален», чем реальность, в которой он участвует, что деревья на картинах Сезанна «менее реальны», чем кленовое дерево у меня в саду, потому что последнее является объектом, к которому я могу подойти и дотронуться руками. Деревья же на картинах Сезанна невозможно забыть, однажды увидев их, и они, безусловно, будут оказывать на нас гораздо большее влияние, чем тысячи деревьев, которые мы встречаем каждый день как объекты, и тут же забываем о них. Деревья на полотнах Сезанна перетерпели определенные изменения для большинства людей именно тем, как люди смотрят на эти деревья, что повышает их уровень осознания так, что Дерево приобретает некое архитектурное величие, которого, в буквальном смысле, не наблюдалось в отношении деревьев до тех пор, пока Сезанн не написал эти картины. Таким образом, оперируя некими прагматичными определениями, можно утверждать, что деревья на полотнах Сезанна «более реальны», чем те, которые растут у вас во дворе. Деревья Сезанна являются той квинтэссенцией дерева, которую можно выразить посредством искусства; и, являясь этой квинтэссенцией, они и приобретают качество символа. То же самое можно наблюдать и у людей, когда мы видим, как исполняется роль Гамлета; Барримор, Гилгуд и Бартон – каждый из этих образов объединяются в единый образ в нашей памяти. Но мы никогда не забудем самого Гамлета, главным образом, потому, что *он – миф, являющийся квинтэссенцией нашего опыта в форме искусства*. Сновидения и другие аспекты бессознательных явлений вскрывают то, что «реальность» имеет много уровней и, объединив их вместе, как я постараюсь показать далее, сновидения начинают иметь отношение к опыту, который и является этой квинтэссенцией.

Вот ряд существенных вопросов, которые я задаю себе: Можно ли усмотреть единство и последовательность в сновидениях человека? Если мы рассматриваем сновидение как некую форму искусства, в какой области она будет наиболее похожа на драму, сможем ли мы вычленить какую-то внутреннюю логику из одного сновидения, переходящего в другое? Можно предположить, что пациент будет связывать свои миры в некой драматичной форме, и в этих драмах, скорее все-

го, будут фигурировать четыре фигуры; те фигуры, которые являются основополагающими в терапии: он сам, его отец и мать, и терапевт. Какую же внутреннюю последовательность мы сможем распознать в этой смене миров в сновидениях пациента с начала терапии и до конца?

Когда я, наконец, принял-таки решение воспользоваться этой возможностью изучать разные сновидения пациента доктора Калигора, я начал воспринимать сновидения феноменологически. Иными словами, я планировал максимально, насколько это возможно, придерживаться самих сновидений, рассматривать их как некое явление, позволяющее им раскрыться, как некие «данности», как паттерны, заключающие в себе определенную информацию. Таким образом, моя цель состояла в том, чтобы использовать ассоциации пациента и то, что пациент и терапевт рассказывали о сновидениях, только как вторичный материал, для того, чтобы проверить и подтвердить то, к чему я мог придти сам, основываясь на каждом конкретном сновидении.

Однако, на начальных этапах анализа мне приходилось держаться в еще более феноменологических рамках, нежели я планировал. Поскольку я обнаружил, что все то, о чем говорится в анализе случая (о сновидениях) - т.е., обсуждение пациентом содержания и каких-то разрозненных детских ассоциаций – все это уже находится на том уровне, который давно рассматривается за рамками сновидения. Таким образом, нам следует разграничивать те шаги, которые мы осуществляем в отношении сновидений. Во-первых, пациентке, Сюзанне, приснился сон. Во-вторых, она его вспоминает, и ее память уже частично разрушает сновидение. В-третьих, она рассказывает это терапевту, акцентируя отдельные моменты, опуская при этом другие и представляя в ложном свете третьи. В-четвертых, они обсуждают это. При этом, как правило, даются соответствующие определения и представляется теория, которая может - и я очень часто этого опасюсь – увести нас еще дальше от самого сновидения. Уже после того, как мною был написан анализ сновидений Сюзанны, я ознакомился с тем, что она рассказывала о своих сновидениях. Обычно это давалось как интерпретация сразу же после того, как она представляла какое-то сновидение:

«Я считаю, что сон означает следующее...» Практически всегда она оперировала какими-то психоаналитическими клише и сыпала банальностями, которые звучали как рационализации, что не только не помогало в анализе сновидения, но зачастую, по моему убеждению, серьезно искажало главное сообщение сновидения. Это, безусловно, можно понять, поскольку интеллектуальная реакция пациента на сновидение будет своеобразной защитной реакцией, когда его единственное желание - избежать тревоги, связанной с этим сновидением (как правило, именно поэтому ей и приснился этот сон). Постепенно Сюзанна начала вести странную «двойную жизнь», когда ее сновидения превносили и затрагивали вопросы на значительно более серьезном, нестандартном и важном уровне, нежели те довольно банальные вещи, которые она рассказывала о них. В отношении Сюзанны больше всего меня поразило то, что после какого-то важного сновидения, которое ей удавалось сообщить совершенно безобидно в ходе банального разговора у меня в кабинете, в следующий раз она тотчас же старалась завладеть вниманием терапевта, указав на краткое сновидение, которое являлось своеобразной кульминацией, например, «давайте называть паука пауком» или «то, чем мы занимаемся – это просто какая-то мыльная опера».

Таким образом, я понимал, что если бы я начинал с того, что пациент и терапевт рассказывали о сновидениях, я бы оказался отстраненным от реальности (по меньшей мере, на четырех уровнях) и мог столкнуться с четырьмя моментами, вызывающими определенное недопонимание. Это приводит - как очень часто происходит в ходе анализа - к бесконечным играм по угадыванию и догадкам у терапевтов и обычно заканчивается какими-то ограниченными клише или рационализациями.

Таким образом, я решил взять за основу в своем исследовании *только сновидения* и, насколько это возможно, анализировать только их. Я отмечал начало и конец каждого сновидения в общем транскрипте доктора Калигора и осознанно предпринимал усилия не позволять себе больше ничего читать. Я дождался завершения данного исследования, а также анализа целой подборки сновидений, прежде чем переходить к ознакомлению с ассоциациями Сюзанны, диалогов между ней и терапевтом в

отношении сновидений, а также остального материала. Я добавил сноски (отмеченные звездочками) в нескольких местах, где я ссылаюсь в своем основном тексте на то, что мне удалось вынести впоследствии в процессе ознакомления с материалами сессий.

Таким образом, анализ и интерпретации, которые я представляю касательно сновидений, основаны на отсутствии информации о пациентке, помимо того, что она женщина, которой около тридцати лет, ранее занималась терапией, что какое-то время у нее была связь с Моррисом, мужем ее подруги, а впоследствии она влюбилась в психиатра, которого звали Дэвид. Эти два последних факта были отмечены доктором Калигором в отдельных записях его интерпретаций. Я говорю, что мне ничего не было известно об этой пациентке, за исключением следующего: мне следует побыстрее добавить, - и я вполне могу это сделать, поскольку данное введение было написано после проведения самого исследования, - что по моим ощущениям я узнал о ней достаточно много после самого ее первого сновидения. Если же говорить в двух словах, - настолько ярко человек предстает в своих сновидениях - я ощущал сложную и многостороннюю связь с этим реальным человеком.

Те же, кто захочет увидеть на последующих страницах какой-то системный анализ, будут разочарованы. Я не пытался специально следовать здесь какой-то системе в буквальном смысле. Мне хотелось только слушать сновидения пациентки, попытаться услышать то, что она сообщает в своих символах и следовать этому. Я пытался выявить ее порядок, систему, наиболее подходящую ей. Для этого требуется гибкость и разнообразные перспективы: она идет по этому пути, а я следую за ней, пытаюсь осветить этот путь, понять, что же это все значит. В подобном путешествии прежде всего требуется клиническое восприятие, некая цепкость, насколько это возможно, в извлечении фрагментов жизни человека на протяжении двух лет.

Я могу начать с двух основных гипотез. Одна из этих гипотез состоит в том, что сновидения конкретного человека связаны с его личностными изменениями - они вскрывают их, их можно

прогнозировать и впоследствии интерпретировать их значение. Другая заключается в том, что люди сообщают самые важные моменты своей жизни посредством символов и мифов. Вне зависимости от того, что мы называем символами и мифами, это содержится в форме образов, фантазий, яркого отреагирования (как в сновидениях), жестах, танце или чем бы то ни было. Линейное утверждение - субъект, предикат, объект - все это может сообщить некую информацию обо мне; но если я действительно хочу раскрыться, что является моим «я», организмом, это всегда имеет характер тотальности, я выбираю или формирую свои слова в определенной символической или мифологической форме.⁶

Это вовсе не означает, что все наши вопросы берутся наугад или их невозможно отнести к какой-то категории или проверить. Я уже отмечала, что символы и мифы имеют некую *форму*. Они представляют собой, как и любое произведение искусства, гештальт. Это и будет своеобразным тестом *внутреннего соответствия*. Подобный критерий можно применить в отношении символа, как мы и поступим в случае с простым символом «волос», когда он возникнет в сновидении Сюзанны. Внутреннее соответствие не обязательно означает единство. В сновидении этой пациентки или любого другого человека найдется масса *разрозненных* компонентов: это и есть одна из причин обращения в терапию. Именно в понимании механизмов и динамики этих разрозненных компонентов, научные тесты и концепции приобретают особую значимость. Но сами эти разрозненные компоненты предполагают все же некое единство, и мы имеем это в своем жизненном опыте и, очевидно, это может помочь нам понять подобную разрозненность. В терапии мы должны быть способны видеть некую последовательность в невротической *разрозненности* пациента.

Есть и другие особые факторы, влияющие на то, что вопросы, которые мы задаем, это не просто вопросы, заданные наугад. Один из этих факторов - это *временные параметры*. Нам также следует задать вопрос о последовательности в течение какого-то времени; ряд сновидений представляет для нас не-

---

⁶ В дальнейшем я постараюсь дать более точное определение «символу».

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.